

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

Исторические судьбы земства на Руси

«Мы сказали в последний раз, что независимо от сферы государственной, от бытовой жизни народной, от деятельности народного самосознания в обществе есть целая область внешней гражданской жизни и деятельности народа, область, противопоставляемая правительственной среде и чуждая государственного элемента, которую мы называли земством, земщиною, землею, земскою жизнью...»

Иван Сергеевич Аксаков
Исторические судьбы
земства на Руси

Мы сказали в последний раз, что независимо от сферы государственной, от бытовой жизни народной, от деятельности народного самосознания в обществе есть целая область внешней гражданской жизни и деятельности народа, область, противопоставляемая правительственной среде и чуждая государственного элемента, которую мы называли земством, земщиною, землею, земскою жизнью.

Читатели знают наше мнение, что в России не было общества до Петра в том смысле, какой мы даем этому слову, – зато Земля, особенно в первые века русской истории, жила полною своею земскою жизнью, и земское начало являлось деятельною, основною стихиею нашего народного гражданского существования. Участие Земли в делах государственных, во сколько эти дела касались прямых интересов народных, участие – не враждебное власти и не ограничивавшее формально власти, обусловленное живым обычаем и тесным духовным союзом Земли и государства, – это участие, продолжавшееся, почти непрерывно, до самого Петра, – не только прекращается, но почти забывается и становится

почти невозможным после революции, произведенной Петром во внешней и внутренней жизни России. Невольно возникает вопрос – каким же образом могла так легко и скоро прекратиться деятельность той стихии, которая является движущею силою всей истории допетровской Руси; куда же исчезла сила, способность, привычка той земской жизни, которая почти восемь веков сряду выражала себя на вечеах и земских соборах?

Если мы сравним нашу историю с историей западных государств, то ход нашего исторического развития представится нам в совершенно обратном направлении. Везде народы идут от стеснения, рабства и неволи к свободе; везде история являет поступательное движение от умственной и духовной косности к деятельности мысли и духа, от зверской жестокости законов к законам кротким и человеколюбивым. Путь нашего развития иной. От денежных пеней и отсутствия телесных наказаний в русской правде мы приходим к страшным уголовным казням Соборного уложения при царе Алексее Михайловиче; от свободы крестьян к крепостному праву; от вольного и

шумного голоса народа на вечах, от степенного голоса Земли на земских соборах к мрачной тишине и безгласности русского народа в XVIII и в первой половине XIX века; от земской жизни, от земского участия в делах государственных – к мертвому бездействию.

Какая же причина такого странного обратного прогресса?

Та, между прочим, что между Государством и Землею не было той среды, которую мы называем обществом и которая – независимую духовную деятельность народного самосознания – могла бы придать силу земской стихии и сдержать напор государственного начала: в течение восьми веков не создано у нас ни училищ, ни литературы, и грех нашего всенародного невежества, нашего нравственного и умственного бездействия дал временную победу стихии деятельной, но чуждой нашей народности... Мы знаем, что такой ответ еще не объясняет дела и вызывает новый вопрос: почему же не возникло самобытной духовной деятельности в народе, почему же раньше не совершилось того движения в бытии народном, того перехода от

безличности непосредственного народного бытия к сознательной, личной деятельности единиц, народ составляющих, – почему не образовалось общества в допетровской Руси?

Мы, конечно, не имеем притязания излагать здесь историю земства в России, представляя разработать эту богатую тему нашим молодым будущим деятелям на поприще исторической науки (хотя вполне признаем, что только эта история, в совокупности с историей государственной жизни России, может дать вполне удовлетворительный ответ на вопрос, нами поставленный). Тем не менее мы укажем на главные черты нашего исторического не внешнего развития, заявляя притом, что высказанное нами замечание об обратном поступательном движении в нашей истории несколько нас не смущает. Россия носит в себе, может быть не вполне ясное для мысли, но несомненное для внутреннего чувства убеждение, что она еще далеко не свершила своего исторического поприща. Не только окончательный вывод еще не подведен историей, но, прожив тысячу лет, мы не слышим в себе ни старости, ни дряхлости, ни

утомления, а напротив – почти непочатой запас свежей жизни; мы слышим в себе силу великую, силу для совершения нашего исторического подвига, нашего призвания в человечестве. Может быть – мы окажемся недостойными ниспосланного нам дара, употребим во зло нашу силу и зароем в землю наши таланты, может быть – мы будем казнены за излишество нашего долготерпения, смежного с равнодушием к истине и к общественному благу, – все это может быть и не быть: это зависит от нас самих, – но по крайней мере мы призваны к великому подвигу и нам даны силы для подвига. Какой же это подвиг?

Мы сказали однажды, что чем выше нравственный идеал народа, чем шире и свободнее от односторонности, от узкой определенности народные начала, тем труднее вполне соответственное их выражение на земле, тем необходимее, хотя и труднее, полнота сознания для правильного и стройного их проявления в жизни. В таком именно положении находится Россия и все племена славянские. Призванные именно к подвигу самосознания, славяне, преимущественно пред всеми наро-

дами, казнятся за всякое уклонение от своего духовного призвания и осуждены обрести спасение только и единственно в деятельности самосознания. Вне этой деятельности, вне нравственной опоры сознательного духа нет для них спасения и исхода, и потому-то мы видим, что никакая внешняя, государственная крепость сама по себе не в силах была спасти, не спасает (и не спасет) славянские народы от внешнего падения и от утраты своей народности. Ни одно славянское племя не было освобождено от этого испытания, то есть от опасности утратить свою народность, – но испытание, выпавшее на долю России, тяжелее всех, потому что опасность для нее явилась не извне, а изнутри, не в виде чужеземного ига, а в виде соблазна не во внешних, а во внутренних врагах...

Мы, по-видимому, увлеклись в сторону, но в сущности мы нисколько не уклонились от нашей задачи. Мы поставили только ту точку зрения, с которой смотрим сами на события нашей древней истории и с которой единственно становится возможным, полное надежд, примирение с постепенным, замечае-

мым в ней, упадком народной жизни...

Познакомимся же с главными чертами этой картины, но предварительно изложим, в немногих словах, общий взгляд на значение государственного и земского начала К. С. Аксакова, которому собственно и обязана наша историческая наука плодотворною мыслью о Земле и Государстве как о двух основных началах и двигателях русской истории.

«В самых первых временах, – говорит он, – в славянских народах мы встречаем жизнь общинную с ее необходимым проявлением – совещанием, носившим в древности название веча. Живя под условиями этого быта, под условиями правды внутренней, славяне являются племенем не государственным, не ищущим внешнего принудительного устройства, основанного на начале внешней формальной правды. Отсюда отсутствие форм и регламента в их общественном быте, отсюда единогласие как необходимое средство общинных решений. Но удержать этот высокий строй было трудно, и славяне вынуждены были постановить у себя государство. Признавая государство как необходимость, смотря на

него как на средство, а не как на конечную цель или идеал своего внутреннего развития, – северные славяне (в России) не обратили сами себя в государство, не из себя создали его устройство, не исказили своей общинной жизни, не изменили началу своей внутренней свободы, – а призвали государство из-за моря как явление чуждое, для внешнего наряда земли, для военного и судного дела, для ограждения свободы общинной или земской жизни. Все европейские государства основаны завоеванием; власть явилась там неприязненною, и во взаимных отношениях народа и власти, с самого начала, легла вражда, не покидающая их во все течение истории. Русское государство, напротив, основывается не завоеванием, а добровольным призванием власти. Поэтому не вражда, а мир и согласие – его начало. Власть явилась у нас званною, не враждебною, и утвердилась с согласия народа, на начале взаимной доверенности, которой народ с своей стороны никогда не изменял. Это различие в основании государства в России и Европе – определяет историю и той и другой.

Первоначально, покуда Россия представляла множество княжеств, соединенных между собою общою земскою связью и сознанием единства Русской Земли, народ везде сохранял свое вече. Но общинам грозила другая опасность: обратиться из отдельной общины в отдельное государство, что нарушало связь между общинами и единство Русской Земли. Когда же Москва переломала государственные перегородки, мешавшие цельной жизни народа, — образуется единое русское государство и единая русская община или Земля. В России являются два дела: дело земское и дело государево, два главных разряда людей: люди государевы, люди служилые, и люди земские. Государство обращается к Земле за советом, и первый русский царь созывает первый Земский Собор. Ряд соборов продолжается до самого Петра. Совещательный, земский элемент проявляется постоянно и всюду, но не переступает свои пределы. В Земском Соборе не было никогда ничего принудительного и насильственного; он был только голосом, думой, мнением Земли и собирался лишь по призыву государственной власти,

которая никогда не видела в нем никакой для себя опасности, никакого ущерба для своего достоинства...»

К этим словам К. С. Аксакова, извлеченным нами из многих его исторических сочинений, мы считаем не лишним прибавить с своей стороны следующие замечания.

История земства в России до Петра представляет две резко отличающиеся одна от другой эпохи: жизнь областную и вечевую до единой державы Москвы, – и жизнь Земли и ее участие в делах государственных по уничтожении уделов. Собственно в эту эпоху и являются в истории, противопоставляясь друг другу, как самые начала, так и самые выражения: Земля и Государство, земское и государево дело. Вольно и шумно раздавался голос народа на бесчисленных вечеях Русской Земли в первые века ее исторического существования: везде кипела местная самостоятельная жизнь, бесконечное дробление уделов, создавая бесконечное множество местных центров, разносило деятельность по всем углам и захолустьям тогдашней Руси. Участие общины в делах местного правительства обеспечи-

валось обычаем, внешнею близостью общинного населения к правительственному центру и немногосложностью гражданских отношений. Князь и его дружина были постоянно на виду у всего народа, и вече было неизбежным условием их общей совместной жизни. Но такое состояние естественно должно было прекратиться. Если бы Русь раздробилась на бесчисленное множество микроскопических государств, то или общины заразились бы государственным элементом, все до последнего человека, в противность природе славянской, – или же были бы подавлены и отягощены присутствием несоразмерной с их объемом и населением государственной власти в лице удельного князя. В самом деле, если представить себе теперь в маленькой деревне, на месте выбранного из деревенских же жителей старосты, какого-нибудь владетельного князя, с значением и характером государственным, – мы поймем, что такое неравновесие отношений было бы невыносимо. – Как бы то ни было, но распри и войны удельных князей, соперничество общин, преграды свободному передвижению, промышленно-

сти и торговле, при постоянном сознании племенного и духовного единства Русской Земли, — все это приготовило наступление другой эпохи, эпохи московского единодержавия. Общины, повинувшись историческому инстинкту, пожертвовали волей и неволей своею отдельною, почти государственною самостоятельностью для совместного и дружного развития, для единства жизни всего русского народа, всей Русской Земли. Но по уничтожении уделов, города тотчас же приходят в упадок, прежняя деятельность прекращается, и народная жизнь не представляет с тех пор никакого поступательного движения. Веча умолкли, самое название исчезает, и сохраняется только мир, мирская сходка в посадах и селах. Этот мир, это совещание на сходке, есть то же самое начало, которое выражалось и на вечах, но содержание было иное, и предметом совещания были не интересы всей Земли или всей области, как прежде, а мелкие и мирные интересы села или посада.

В эпоху междоусобия исторические события дали снова многозначительное земское содержание народным сельским и горо-

довым мирам, и они напомнили прежние века, как будто и не изведаль народ целых веков угнетения и безмолвия! Это вечевое начало, выражающееся теперь в мире, и эту способность расширить его пределы, возвысить его на степень великого земского и государственного дела – уберег русский народ и до наших времен, храня в нем для России залог обновления и возрождения...

Итак, с единодержавием Москвы является Земля с тихою земскою жизнью, с мирскими скромными сходками, вместо шумных и буйных веч. Народ, как мы сказали, уберег вечевое начало, но умерил его проявление и, сосредоточив его в себе, как в зерне, не дал ему погибнуть; однако ж, тем не менее, невольно возникает вопрос: что же внесло это сильное развитие местной жизни и деятельность народной стихии в первые века нашей истории в общую жизнь Земли, при образовании единого государства? Какие следы оставила эта первая эпоха, какие задатки для духовного сознательного развития, для просвещения, для дальнейшего движения народной жизни? Очень слабые, – кроме того, что она подгото-

вила духовное единство Русской Земли, подняла общий уровень народного образования сравнительно с веками язычества, разлила свет христианства по всей Русской Земле. Но земская жизнь первой эпохи не успела выработать прочных залогов жизни умственной и деятельности духовной, – хотя, впрочем, эта эпоха сравнительно богаче памятниками письменности, нежели непосредственно за ней следовавшие. Если бы каждый удельный князь в своем уделе действовал по примеру Владимира и Ярослава, если б во всех удельных центрах завелись училища; если б распри и усобицы не препятствовали мирному развитию внутренней местной жизни; если бы татарские нашествия не разорили множества городов и не отрезали бы Русь Северную от Руси Южной, от моря, от Греции и от Европы, – может быть, единство Руси воплотилось бы в единой русской общине и в едином государстве при других, более благоприятных данных для нашего исторического развития. Так, например, если б мы могли вообразить себе теперь воссоединение всех отдельных областных центров Германии в единое поли-

тическое тело, то каждый центр принес бы, как дань, богатые плоды умственного и духовного самостоятельного развития. Но ничего подобного не случилось с древнею удельною Русью и, может быть, не должно было случиться, ибо задачей Русской Земли было выработать, единовременно и цельно, самосознание всего русского народа, а не той или другой местности, которая, развиваясь самостоятельно, развилась бы непременно в направлении одностороннем. Для достижения высокой цели всенародного цельного самосознания, необходимо было такое внешнее и внутреннее единство Земли, которое бы поглотило узкий эгоизм племен, областей и общин.

Таким образом, с единой державией Москвы начинается вторая эпоха в истории земства. С одной стороны, является Земля, сплоченная воедино, без веч и самостоятельной жизни общин; с другой – государство. Идея царя была чужда эпохе областной и вечевой жизни, и насколько царь был могущественнее и полновластнее удельного князя, настолько земские соборы были слабее и малозначительнее

прежних веч. Конечно, справедливо замечено, что соборы заменили вече, но настолько, насколько и царь заменил собою прежних удельных князей. Здесь сходство только в том, что и собор и вече выражали собою начало совещательное, земское, так же как и царь и удельный князь были представителями власти. Но разница между вечем и земским собором состояла уже в том, что вече в отдельной общине было почти всегда поголовное, то есть состоявшее из всего наличного народа местности, тогда как земский собор не мог иначе составиться, как посредством представительства, посредством собрания выборных от Земли, что делало собор всегда ограниченным в его внешнем составе, особенно при отсутствии всякой формы и регламентации. Вече было всегда близко к правительственному центру, было всегда присуще, могло быть немедленно, во всякое время созвано, без всякого неудобства для жизни общины или города. Земский собор не был обыкновенным, нормальным, но всегда чрезвычайным явлением, тягостным и неудобным напряжением для жизни земской. Созвание собора

требовало много времени и соединено было со множеством лишений и неудобств для представителей из отдаленных концов России. Наконец, вече собиралось всегда само, по своему усмотрению; земский собор созывался не иначе, как по распоряжению верховной власти. Поэтому земский собор сам по себе не представлял никакого обеспечения для земской жизни в виду нового, небывалого на Руси учреждения царской самодержавной, вполне самосознательной власти.

Все обеспечение было в обычае, в единстве духовном и нравственном, связывавшем власть и народ, в общем или почти общем уровне умственного развития и образования, наконец в той доверенности, которая легла в основу отношений Земли к государству с самого начала ее истории, вследствие добровольного призвания власти. Это обеспечение, разумеется, было и оказалось ненадежным и должно было исчезнуть при первом нарушении внутреннего духовного единства со стороны власти, — потому что единственное обеспечение земской силы и свободы, как мы уже сказали, лежит в существовании общества, в

общественной силе, в деятельности народно-го самосознания, а этой-то деятельности и не существовало в России в эпоху соборов. Нам заметят, может быть, что если бы земские соборы имели регламентацию и из сферы обычая перешли в положительное учреждение, в непререкаемый закон, – тогда они бы явились достаточно сильной гарантией против непомерного разлива государственной стихии. Хотя в наших статьях об обществе и находится ответ на этот вопрос, но мы не отказываемся рассмотреть его и подробнее. Впрочем – наша статья вышла и без того длинна, и мы должны отложить это до другого раза. Нам предстоит, сверх того, упомянуть об отношениях государства к Земле и значении земского элемента в XVI и XVII веках, а затем перейти к перевороту Петра, к русскому обществу и к русскому земству в нашей современной действительности.